

На правах рукописи

Комарова Елена Васильевна

**РУССКАЯ РЕЦЕПЦИЯ
АЛДЖЕРНОНА ЧАРЛЗА СУИНБЁРНА
(ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX В.)**

10.01.01 – Русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Нижний Новгород – 2014

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы и фольклора Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Жаткин Дмитрий Николаевич

Официальные оппоненты: **Кихней Любовь Геннадьевна**,
доктор филологических наук, профессор
кафедры истории журналистики и литературы
НОУ ВПО «Институт международного права и
экономики имени А.С. Грибоедова»
(г. Москва),
Титкова Наталья Евгениевна,
кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Нижегородский
государственный университет имени
Н.И. Лобачевского», Арзамасский филиал,
доцент кафедры литературы

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный
университет»

Защита состоится «__» _____ 2014 года в «__» часов на заседании диссертационного совета Д 212.166.02 в ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского» по адресу: 603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, д. 37.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского» по адресу: 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23.

Автореферат разослан «__» _____ 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Юхнова И.С.

Общая характеристика работы

Актуальность исследования и степень изученности вопроса. Первые суждения об английском поэте Алджерноне Чарлзе Суинбёрне (1837 – 1909) были высказаны в России еще в 1870-е – 1880-е гг. в письмах И.С.Тургенева, Н.Г.Чернышевского, статьях Н.В.Гербея, А.Реньяра, переводных материалах из западноевропейских журналов, кратких откликах на выход его новых книг. Осмысление творчества английского автора с учетом контекста русского литературного процесса было предпринято сразу после его смерти в 1909 г. в статьях Н.А.Васильева. В 1920 – 1930-е гг. усилился интерес к «русской теме» в творчестве Суинбёрна, причем акцентировались его сочувствие революционному движению в России и ненависть к российским царям.

Первая диссертация на русском языке, в которой значительное место отведено творчеству Суинбёрна, была написана еще в СССР в 1964 г., – это была докторская работа Л.М.Аринштейна «Революционные и демократические тенденции в английской поэзии второй половины XIX века», защите которой предшествовал выход в 1963 г. монографии «Прогрессивные общественно-политические тенденции в английской поэзии 50-х – 70-х гг. XIX века». В последние годы активизация интереса к Суинбёрну привела к появлению посвященных его творчеству или затрагивающих его творчество докторских диссертаций Н.И.Соколовой «Литературное творчество прерафаэлитов в контексте «средневекового возрождения» в викторианской Англии» (М., 1995), К.Н.Савельева «Литература английского декаданса: истоки, становление, саморефлексия» (М., 2008), кандидатских исследований Н.В.Дубовик «Культурно-эстетические аспекты проблемы человека в позднем английском романтизме» (Саранск, 2000), Д.В.Машковой «Творчество О.Ч.Суинберна в контексте англо-французских эстетических взаимодействий» (Казань, 2001), А.Ю.Корепановой «Литературные связи А.Ч.Суинберна (на материале сборников серий «Стихотворения и баллады» (1866 – 1889))» (СПб., 2006).

Вместе с тем до настоящего времени не предпринималось попыток осмысления эволюции восприятия русскими поэтами, переводчиками и литературными критиками творчества Суинбёрна, традиционно характеризуемого вне контекста русской литературы. Актуальность подобного исследования подчеркивается как богатством фактического материала, относящегося к последней четверти XIX – началу XXI в., так и появлением новых обобщающих работ, посвященных сравнительно-историческому осмыслению русско-английского литературного взаимодействия, прежде всего, русской рецепции поэзии отдельных авторов викторианской эпохи – А.Теннисона, Э.Баррет Браунинг. Исследование русской рецепции Суинбёрна дополняет представление о восприятии творчества английских поэтов второй половины XIX в. в России и – после появления аналогичных работ, посвященных Роберту Браунингу, Данте Габриэлю Россетти, Кристине Россетти, Мэтью Арнольду, Эрнесту Даусону, – позволит оценить масштабность, значимость и многообразие влияния викторианской поэзии на русский литературный процесс в разные периоды исторического развития.

Целью исследования является анализ процесса восприятия творчества английского поэта Алджернона Чарлза Суинбёрна русской литературой последней четверти XIX – первой трети XX в.

Данная цель конкретизируется в постановке следующих исследовательских **задач**: 1) изучить обстоятельства осмысления произведений Суинбёрна в русской литературной критике последней четверти XIX – первой трети XX в.; 2) осмыслить влияние литературно-критических и искусствоведческих работ Суинбёрна на формирование в России последней четверти XIX – первой трети XX в. представлений об отдельных западноевропейских писателях и художниках; 3) выявить реминисценции и традиции творчества Суинбёрна в русской литературе первой трети XX в.; 4) проанализировать своеобразие воплощения «русской темы» в произведениях Суинбёрна в контексте русско-английских общественных и литературных связей XIX – начала XX в.; 5) осуществить литературоведческий анализ русских переводов произведений Суинбёрна, выполненных в последней четверти XIX – первой трети XX в. Д.Н.Садовниковым, К.Рениным <К.В.Бурениным>, О.Н.Чюминой, К.И.Чуковским, Н.А.Васильевым, В.Ю.Эльснером, А.П.Доброхотовым, М.О.Цетлиным (Амари), И.А.Кашкиным, А.Б.Гатовым и др.

Объект исследования – русские переводы произведений Суинбёрна; произведения русской литературы, содержащие традиции его творчества; статьи русской критики о жизни и творчестве Суинбёрна. **Предмет исследования** – характер и тенденции осмысления творчества Алджернона Чарлза Суинбёрна русскими поэтами, переводчиками и литературными критиками последней четверти XIX – первой трети XX в. **Материалом для анализа** послужили: английские оригиналы Суинбёрна и их русские переводы, выполненные в последней четверти XIX – первой трети XX в., а также переводы позднейшего времени, привлекаемые с целью проведения контекстуального анализа в случае явления переводной множественности; произведения русской литературы первой трети XX в., содержащие реминисценции и традиции творчества Суинбёрна, а также отдельные сочинения позднейшего времени, осмысливаемые с целью выявления эволюции восприятия английского автора некоторыми русскими писателями, впервые обратившимися к суинбёрновской поэзии в эпоху Серебряного века (Б.Л.Пастернак, К.И.Чуковский); литературно-критические публикации последней четверти XIX – первой трети XX в., а также дневники, эпистолярные и мемуарные материалы.

Новизна работы состоит в том, что в ней впервые осуществлено исследование рецепции творчества Суинбёрна русской литературой последней четверти XIX – первой трети XX в. При рассмотрении всей совокупности отмеченных фактов в контексте особенностей литературного развития в России осуществлялись систематизация и дополнение разрозненных работ предшественников и детальный анализ материала, впервые вводимого в научный оборот. Особое внимание уделено стихотворениям Суинбёрна «Заброшенный сад», «В саду» и «Сад Прозерпины», вызвавшим наибольшее число откликов русских переводчиков и воспринятым в России в комплексном единстве, как цикл, отобразивший жизненные искания и сложные философские размышления английского поэта. Впервые исследованы отдельные факты деятельности русских

переводчиков, внесших вклад в популяризацию творчества Суинбёрна в России последней четверти XIX – первой трети XX в. – Д.Н.Садовникова, К.Ренина <К.В.Буренина>, О.Н.Чюминой, К.И.Чуковского, А.П.Доброхотова и др.

Теоретико-методологическая база исследования сформирована на основе фундаментальных работ классиков отечественного литературоведения В.М.Жирмунского, М.П.Алексеева, Ю.Д.Левина, исследований в области теории и истории художественного перевода (М.Л.Гаспаров, Л.Л.Нелюбин, А.В.Федоров, Г.Т.Хухуни, Р.Р.Чайковский, В.И.Шаповалов и др.), русско-английских литературных и историко-культурных связей (А.А.Аникст, А.А.Елистратова, Д.Н.Жаткин, И.М.Катарский, Е.И.Клименко, Е.А.Первушина, Б.Г.Реизов, В.К.Чернин и др.), истории русской переводной художественной литературы (Г.Р.Гачечиладзе, А.Н.Гиривенко, П.М.Топер, Е.Г.Эткинд и др.), истории английской литературы (Н.И.Стороженко, Г.В.Аникин, Л.М.Аринштейн, И.И.Бурова, Н.П.Михальская, К.Н.Савельев, Л.В.Сидорченко, Н.И.Соколова, В.В.Хорольский и др.). В процессе анализа были использованы культурно-исторический, сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, историко-типологический, историко-генетический и биографический подходы, а также приемы сопоставительного анализа художественных произведений.

Теоретическая значимость работы заключается в опыте изучения творчества зарубежного писателя в проекции на историю русской литературы и русского художественного перевода, позволяющей осмыслить обстоятельства возникновения и развития интереса к его творчеству со стороны русских писателей, переводчиков, литературных критиков, объяснить проникновение элементов его поэтики в русскую литературную и культурную среду.

Достоверность выводов данного исследования обосновывается привлечением максимально полного объема известных к настоящему времени материалов русской рецепции А.-Ч.Суинбёрна последней четверти XIX – первой трети XX в., а также учетом историко-литературного контекста последующего времени. В этой связи существенным представляется осмысление не только русских переводов поэзии и поэтической драматургии английского автора, но и обстоятельств эволюции литературно-критического восприятия суинбёрновских произведений в России, традиций его творчества в сочинениях русских писателей.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов при разработке лекционных курсов по истории русской литературы последней четверти XIX – первой трети XX в., истории зарубежной литературы второй половины XIX в., истории русской литературной критики, а также при подготовке изданий избранных переводов произведений Суинбёрна, библиографического указателя опубликованных на русском языке материалов о Суинбёрне, при комментировании сочинений Суинбёрна и русских писателей, отразивших традиции английского предшественника.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В последней четверти XIX – первой трети XX в. выделяются три последовательно сменявших друг друга этапа литературно-критического восприятия и осмысления творчества Суинбёрна в России. На раннем этапе, опираясь на труды западноевропейских критиков и исследователей, русская литературная критика представляла компилятивные обзоры творчества поэта,

отклики на появление его новых изданий на английском языке. После смерти Суинбёрна в 1909 г. Н.А.Васильевым было предпринято аналитическое осмысление его наследия, сопровождавшееся переводом отдельных произведений и их фрагментов и ознаменовавшее собой новый этап литературно-критического освоения сочинений писателя в России. К этому времени относятся первые попытки вписать творчество Суинбёрна в контекст литературного развития в России, в частности, осмыслить в параллели с представлявшейся наиболее близкой ему по мировосприятию лирикой К.Д.Бальмонта, провести аналогии между эротизмом Суинбёрна и русской потаённой поэзии. На последующем этапе (1920-е – 1930-е гг.) с изменением общественно-политической ситуации произошло переосмысление наследия Суинбёрна, характеристики которого в литературно-критических публикациях приобрели большую оценочность, причем традиционно приветствовались его демократические убеждения, протест против тирании, антиклерикальные тенденции, свойственные для раннего и зрелого периодов творчества, а осуждались консервативные монархические воззрения, отличавшие поздний период творческой биографии поэта.

2. Несмотря на то, что литературно-критические труды Суинбёрна (за исключением небольших по объему критических заметок о пьесах Шекспира «Король Лир», «Ричард II», «Отелло») не были переведены на русский язык, многие отечественные исследователи мирового литературного процесса смогли уже вскоре после их появления ознакомиться с ними в подлиннике. Работы Суинбёрна способствовали корректировке представлений русской литературной критики и литературоведения о творчестве Шекспира, Дж.-Г.Байрона, Шарлотты Бронте, Уильяма Швенка Гильберта, Теофиля Готье, Чарльза Диккенса, Стефана Георге и др., неоднократно цитировались в трудах, посвященных этим авторам (Н.И.Стороженко, Н.К.Бокадоров, Л.И.Шестов, Л.Н.Толстой («О Шекспире и о драме»), М.К.Цебрикова, П.П.Муратов, Э.Л.Радлов и др.). Однако уже на раннем этапе многие суждения английского поэта, не являясь для русских исследователей авторитетными, становились предметом полемических размышлений, дискуссии, отвергались как излишне субъективные, содержащие ошибочные эмоционально-оценочные характеристики.

3. Отзвуки поэзии Суинбёрна в творчестве русских писателей Серебряного века (В.Я.Брюсов, И.И.Коновской, О.Э.Мандельштам, А.К.Герцык, М.А.Волошин, К.Д.Бальмонт и др.) значительны и вместе с тем носят эпизодический характер. Постоянство интереса к Суинбёрну было характерно лишь для литературной биографии Б.Л.Пастернака, обращавшегося к осмыслению отдельных произведений предшественника и в ранний период творческой деятельности (несохранившиеся переводы трагедий из драматической трилогии о Марии Стюарт и перевод сонета «Джон Форд», относящиеся ко второй половине 1916 – началу 1917 г.; неразысканная статья «О трагедии Суинбёрна» (1918), статья «Несколько положений» (1919)), и в последующие десятилетия (статьи «Антология английской поэзии» (1943), «Заметки переводчика» (1944), «Фридрих Шиллер. Трагедия «Мария Стюарт» (Предисловие переводчика)» (1957), автобиографическая повесть «Люди и положения» (1956 – 1957), переписка с М.И.Цветаевой, Е.В.Пастернак, В.Э.Мейерхольдом, И.А.Кашкиным, А.И.Старцевым, В.В.Роговым). Личность Суинбёрна и его творчество не только

входили в число наиболее сильных увлечений молодого критика и переводчика К.И.Чуковского в 1904 – 1906 гг., но и – как дань прошлому – нашли отражение в его книгах «Оскар Уайльд» (1922), «Футиристы» (1922), «Некрасов: Статьи и материалы» (1926), «Рассказы о Некрасове» (1930), очерках «Как я полюбил англо-американскую литературу» (1941), «“Бесплодные усилия любви”» (1960), «“Сигнал”» (1964), дневнике и эпистолярной «оксфордской речи» «Русскими глазами» (1962). Тем самым внимание к Суинбёрну, явившееся мимолетным в творчестве многих русских писателей первой трети XX в., в отдельных случаях обрело устойчивость, обусловленную как неизменным возвращением поэта-переводчика к интересным ему темам и образам (таким, например, как образ Марии Стюарт для Б.Л.Пастернака), так и апелляцией к собственным эмоциям, ощущениям, вызванным в прошлом поэзией Суинбёрна, оценка которой, однако, по прошествии лет была пересмотрена (К.И.Чуковский).

4. Особое отношение к России в творчестве Суинбёрна было сформировано как под влиянием английской печати, представлявшей Россию с негативных позиций в период Крымской войны, осложнений в польском вопросе, русско-турецкой войны, избрания на болгарское княжество дальнего родственника Александра II принца Гессен-Дармштадского Александра Баттенберга и его последующего низвержения после разрыва с Россией, так и под воздействием круга близкого общения, в который входили люди, скептически настроенные к политическому устройству России, критиковавшие ее вмешательство в дела других государств (Аурелио Саффи, Бенджамин Джоуэтт и др.). От осуждения тиранической формы правления, обоснований необходимости демократического устройства жизни Суинбёрн к концу 1870-х гг. перешел к призывам к свержению самодержавия, физическому устранению русских царей, приветствовал революционное движение в России, выступал против преследования революционеров, отправлявшихся в ссылку в Сибирь, осуждал еврейские погромы на Юге России, а также расстрел демонстрации 9 января 1905 г., который считал преступлением правящей в России династии. Все события и явления общественной жизни осмысливались Суинбёрном с позиций национальных интересов Британии, беспокойства по поводу ослабления ее роли как мировой сверхдержавы и одновременного усиления роли России в мировом политическом процессе.

5. Ранние обращения русских поэтов-переводчиков к осмыслению лирики и драматургии Суинбёрна (конец 1870-х – 1900-е гг.) характеризовались эклектизмом и не смогли сформировать достоверное представление о его творчестве у российских читателей. Большинство созданных в этот период переводных произведений были несовершенны, что проявилось в переводе стихов прозой (анонимный прозаический перевод «Заброшенного сада» (под названием «Заглохший сад») в «Еженедельном Новом времени», «Сад Прозерпины» и «Призраки цариц» в переводе В.Ю.Эльснера), фрагментарности интерпретаций английских подлинников («Ночная стража» в переводе О.Н.Чюминой, «На северном море», «Рококо» и «Перед рассветом», эпизоды из второй сцены третьего акта трагедии «Босуэлл» и второй хор трагедии «Аталанта в Калидоне» в переводе Н.А.Васильева, «Тяжести» в переводе А.П.Доброхотова, «В саду» (с названием по первому стиху – «О, пусти мои руки, о, дай мне вздохнуть...») в

переводе К.И.Чуковского), а также в написании стихотворений «на мотив», позиционированных в качестве переводов с английского («Заглохший сад» К.Ренина <К.В.Буренина>, анонимное стихотворение «Маю»). В последующие десятилетия (1910 – 1930-е гг.) указанные тенденции сохранялись, что, в частности, отразилось в появлении прозаического перевода Ф.П.Шиллера «Накануне революции», фрагментарных переводов И.А.Кашкина («У северного моря», «Les Adieux»), М.О.Цетлина (Амари), Вл.Г.Зуккау-Невского, В.Исакова (все – из «Атланты в Калидоне»). Однако к концу рассматриваемого периода уже можно говорить о формировании определенного небольшого по объему корпуса удачных суинбёрновских переводов, сохраняющих эстетическую ценность и в наши дни, давая полноценное представление об особенностях творческой манеры английского автора (переводы Д.Н.Садовникова «Pasticcio», Н.А.Васильева «Сад Прозерпины», А.Б.Гатова «На спуск “Ливадии”», И.А.Кашкина «Песня времен порядка», Б.Б.Томашевского «Прощание», «Ave atque vale (Памяти Шарля Бодлера)» и «Покинутый сад»).

6. Наибольший интерес русских поэтов-переводчиков вызвали стихотворения Суинбёрна «Заброшенный сад», «В саду» и «Сад Прозерпины», не соотносимые самим английским автором друг с другом, но воспринятые в России как некая «садовая трилогия», представившая неизменные жизненные искания поэта, его сложные философские размышления о вселенной и месте в ней человека, о бренном и вечном, бытии и покое, любви и смерти. Особая известность «Сада Прозерпины» в России во многом обусловлена использованием фрагмента из этого произведения («From too much love of living...») в размышлениях героя в заключительной части романа Дж.Лондона «Мартин Иден» (1909). Драматическое противоречие между вечностью идеальной красоты и преходящестью конкретных явлений, в которых существует эта красота, умение английского поэта увидеть в идеальной картине мира грядущее разрушение и тление стали наиболее существенными для его российского восприятия, о чем свидетельствуют более тридцати интерпретаций «From too much love of living...».

Соответствие специальности диссертации паспорту специальности, по которой она рекомендуется к защите. Диссертация соответствует специальности 10.01.01 – Русская литература и выполнена в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности: п. 3 – история русской литературы XIX века (1800 – 1890-е годы); п. 4 – история русской литературы XX – XXI веков; п. 17 – взаимодействие русской и мировой литературы, древней и новой; п. 18 – Россия и Запад: их литературные взаимоотношения.

Апробация работы и публикации. Материалы диссертации были представлены на Международной научно-методической конференции «Языковые и культурные контакты различных народов» (Пенза, 2012), Всероссийской научно-практической конференции «Вопросы теории и практики перевода» (Пенза, 2012), а также в выступлениях на внутривузовских научных конференциях преподавателей Пензенского государственного университета архитектуры и строительства (2011 – 2013). Основные положения работы подтверждены в авторитетных рецензиях на статьи, принятые к печати журналами, входящими в действующий перечень ВАК РФ, а также одобрены ведущими учеными кафедры, выступившими в качестве рецензентов и экспертов на заключительном

обсуждении диссертации. По теме исследования осуществлено 3 публикации в изданиях перечня ВАК РФ «Проблемы истории, филологии, культуры», «Мир науки, культуры, образования», «Гуманитарные исследования».

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения.

Основное содержание работы

Во *Введении* определяются цель исследования и связанные с ней задачи, обосновывается актуальность решения поставленных научных проблем, а также характеризуются теоретико-методологическая база и степень разработанности вопроса; отмечаются научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

В *главе первой «Восприятие творчества А.-Ч.Суинбёрна русской литературой и литературной критикой последней четверти XIX – первой трети XX века»* рассматривается литературно-критическое осмысление творчества поэта в России, устанавливается влияние А.-Ч.Суинбёрна как литературного и художественного критика на формирование в России представлений об отдельных западноевропейских писателях и художниках, анализируются отзвуки творчества английского поэта в русской литературе первой трети XX в., характеризуется «русская тема» в суинбёрновской поэзии как отражение его отношения к России.

В *параграфе первом «Творчество А.-Ч.Суинбёрна в осмыслении русской литературной критики последней четверти XIX – первой трети XX в.»* отмечается, что впервые на Суинбёрна обратил внимание И.С.Тургенев, охарактеризовавший его в переписке 1871 г. как «очень, очень большой лирический талант», «самого замечательного современного английского поэта». Н.Г.Чернышевский в 1877 г. в письме младшему сыну Михаилу поставил творческий потенциал Суинбёрна гораздо выше дарования Виктора Гюго, которому английский автор подражал и перед которым он преклонялся: «Горько и смешно было мне прочесть, что английский поэт Суинборн пишет стихотворные панегирики ему, своему будто бы, учителю. Суинборн в десять раз талантливее его. И такое заблуждение мысли, как фантазия уважать Виктора Гюго, не может не действовать очень вредно на прекрасный талант Суинборна».

Первые упоминания о Суинбёрне в русской печати относятся к 1875 г., когда информация о нем была включена в пространный вводный очерк «Английская поэзия», подготовленный П.И.Вейнбергом для антологии Н.В.Гербея «Английские поэты в биографиях и образцах», и в напечатанный в «Вестнике Европы» цикл статей А.Реньяра «Письма из Англии. Наука и литература в современной Англии», в котором отмечалось, что Суинбёрн в будущем «обещает занять место между первоклассными современными поэтами страны», поскольку в его творчестве «из-под слов сквозит душа и сердце истинного поэта». В начале 1880-х гг. увидели свет несколько анонимных очерков об английском авторе и его творчестве, подготовленные на основе материалов из зарубежных изданий. В частности, неизвестный автор очерка «Альджернон Чарльз Суинбёрн» в №89 «Еженедельного Нового времени» за 1880 г. отмечал эволюцию восприятия поэта на родине: если его первые произведения считались «едва ли не безнравственными», то последующее творчество было встречено гораздо более

благоклонно, причем сам Суинбёрн не сделал общественному мнению каких-либо значимых уступок, наоборот, сами нравы за эти годы «потеряли значительную долю своей пуританской нетерпимости».

В переводных историко-литературных исследованиях 1880 – 1890-х гг., среди которых преобладали труды немецкоязычных авторов, суждения о Суинбёрне были весьма противоречивыми, а в ряде случаев и исключительно негативными. Так, в «Иллюстрированной всеобщей истории литературы» Иоганна Шерра, перевод которой под редакцией П.И.Вейнберга пользовался в России конца XIX – начала XX в. определенной известностью, Суинбёрн представлен поэтом идеалистического направления, вступившим (в противоположность Р.Браунингу) на путь пессимизма. В переведенной в 1898 г. с немецкого языка «Истории английской литературы» К.Вейзеля Суинбёрн охарактеризован как поэт теннисоновской школы, отличающийся «даровитостью и плодовитостью»; с одной стороны, он – «превосходный лирик, настолько субъективный, что может передавать нам самые тонкие настроения своей души, вместе с тем пленяя сладостным благозвучием языка», с другой – «слишком уже гордится своим искусством и чрезмерно расточает его».

Начало XX в. было отмечено появлением в России разнообразных материалов о деятельности Суинбёрна. Среди них можно назвать и короткую справку о поэте в №12 «Нового журнала иностранной литературы» за 1901 г., и некрологи, напечатанные в апреле 1909 г. на страницах «Русского слова» и «Речи», и лаконичные суждения о Суинбёрне на страницах переводных историй зарубежной литературы и искусства. Многочисленные отклики на творчество Суинбёрна печатались в 1904 – 1908 гг. в «Весах» – знаменитом журнале русских символистов. В частности, в анонимном очерке «Искусство и английская публика», напечатанном в №10 «Весов» за 1906 г., творческая индивидуальность Суинбёрна представлена в историко-литературном контексте, причем его произведениям и ему самому дана емкая характеристика – «голос экстаза»: «Когда-то был у нас Карлайль, который был пророком, и Рёскин, который был жрецом; теперь есть Суинбёрн – голос экстаза, Мередит – голос чистого рассудка, и Гарди – голос земли». С позиций автора очерка, Суинбёрн – человек «почти угасшего» поколения, обладающий, помимо лирического вдохновения, «техникой более разнообразной, чем у Шелли, более поразительной, чем у Гюго».

В 1909 г. Н.А.Васильев опубликовал две статьи о Суинбёрне – в изданном в Казани литературном сборнике «Творчество» и в №8 журнала «Вестник Европы». Исследователь выделял «наиболее блестящую триаду современных поэтов Европы», включающую Суинбёрна, Э.Верхарна и К.Д.Бальмонта, причем сразу же отделял Верхарна, творческое достоинство которого в содержании, «в открытии им для поэзии целой неизвестной доселе области своеобразной и волнующей красоты города-гиганта, города-чудовища», от Суинбёрна и Бальмонта, «обольщающих <...> утонченностью, интимностью чувства и музыкой». Близость Суинбёрна и Бальмонта Н.А.Васильев видел в воссоздании ими «неизведанных красот» родной речи, преобладании «духа бунта, духа мятежа, жажды освобождения, прежде всего освобождения чувственности от условных или необходимых пут общественных традиций», акцентировке мотива «очарования печалью», подобной меланхолии, через которую просвечивала радость

неизбежной победы красоты, в женственности стиха с характерной красотой формы, интимностью переживаний, мотивами чувства, тепла и ласки, умении «очаровать и заласкать», наконец, в специфике страдания, совершенно иного, чем у Дж.-Г. Байрона и М.Ю. Лермонтова: «Страдание Байрона и Лермонтова было полно волевого и морального элемента, оно само было почти действием. Меланхолия Бальмонта и Свинберна сбросила всякое отношение к воле, стала безвольной, не моральной, а эстетической и ритмической. Мировая скорбь стала личной скорбью. Страдание, которое было раньше аффектом, эмоцией, напряженным стремлением к бурной внешней реакции, стало теперь настроением, нежной рябью чувства и только чувства. Оно потеряло отношение к действию, но зато нашло свою музыку». Н.А. Васильев также указал на возможность влияния произведений Суинбёрна на появление отдельных эротических стихотворений русских авторов, акцентировал антироссийские настроения Суинбёрна, выраженные в его стихотворении «Белый царь» («The White Czar», 1877).

Суинбёрн упоминается в статье З.А. Венгеровой «Прерафаэлитское братство», включенной в первый том ее собрания сочинений, вышедший под заглавием «Английские писатели XIX века» в 1913 г.: исследовательница характеризует «титанические порывы Свинборна, проникнутого любовью к античной красоте», отмечает, что поэзия Суинбёрна напрямую выросла из «идеалистического настроения» прерафаэлитов, их «чистых восторгов». В.М. Жирмунский, указывая в ранней монографии «Немецкий романтизм и современные мистики» (1914) на историческое отсутствие «перерыва мистической традиции» между романтизмом и символизмом, особенно отчетливо видное в английской поэзии, справедливо утверждал, что «Данте Габриэль Россетти и прерафаэлиты являются в такой же мере учениками романтиков Кольриджа и Китса, в какой они могут быть названы учителями английских символистов, Вильяма Морриса и Суинбёрна, Берн-Джонса и Оскара Уайльда».

После событий 1917 г. в условиях новой исторической реальности начали появляться иные суждения о Суинбёрне, наметилась тенденция к однолинейному восприятию поэта и его творчества, приятию его демократических, антиклерикальных, гуманистических настроений зрелого периода и осуждению позднего Суинбёрна как консерватора и монархиста. Так, в статье П.С. Когана «Английская литература» (1929) отмечено, что в поэзии Суинбёрна «неясно переплетаются идеалы вечной красоты и защита эксплуатируемых». В заметке А.Б. Гатова, помещенной в книге «Революционная поэзия Запада XIX века» (1930), Суинбёрн представлен поэтом сложных метаморфоз, пришедшим от «гимнов языческой любви-страсти», созданных «в период аморализма и атеизма», к произведениям «большого революционного пафоса», «резко-обличительным стихам против монархии, возвышенно-идеалистическим гимнам социальной и национальной свободе», а затем превратившегося «из республиканца и революционера <...> в монархиста и империалиста». В «Истории западноевропейской литературы нового времени» (1937) Ф.П. Шиллера Суинбёрн представлен писателем, «увлекавшимся декадентскими выступлениями Оскара Уайльда», но ставшим, в связи с «империалистической агрессией Англии», одним из «апологетов английского империализма», «бардом “избранной” англо-

саксонской расы», воспринимавшейся им как олицетворение мужественности, доблестности, правдивости.

В 1937 г. под редакцией М.Н.Гутнера увидела свет «Антология новой английской поэзии», впервые представившая наследие Суинбёрна как в сравнительно более значительном объеме, так и в существенно более глубоких прочтениях Вл.Г.Зуккау-Невского, В.Исакова, Б.Б.Томашевского, И.А.Кашкина, и давшая импульс к осмыслению суинбёрновского творчества на качественно новом уровне. Во вступительной статье «Английская поэзия с середины XIX века» и в комментариях к текстам антологии, написанным М.Н.Гутнером, Суинбёрн представлен поэтом, в творчестве которого произошел «настоящий <...> крах» викторианского мировосприятия: откликаясь «запоздалым эхом» на творчество Дж.-Г.Байрона и П.-Б.Шелли в то время, когда большинство поэтов-викторианцев ориентировались на Дж.Китса, Суинбёрн как певец национально-освободительного движения в Италии не смог «подняться до подлинного демократизма Шелли», как защитник прав «естественного человека», издававшийся над пуританским ханжеством и лицемерием, он выродил «здоровую эротику» Дж.-Г.Байрона и П.-Б.Шелли «в воспевание всяческих извращений», первым начал «пересаживать на английскую почву бодлеровские “цветы зла”». М.Н.Гутнер четко разграничивал поэзию прерафаэлитов и творчество Суинбёрна: если прерафаэлиты стремились к «чувственной конкретности образа», следуя традициям средневекового искусства, то Суинбёрн сближал поэзию с музыкой, нередко превращал стихи в «безостановочное течение аллитераций, перекликающихся друг с другом звуков – звуков без образов и красок».

Как видим, в оценках творчества Суинбёрна русская литературная критика на протяжении длительного времени опиралась на труды западноевропейских критиков и литературоведов, что отразилось как в анонимных компилятивных статьях в периодических изданиях, так и в первых основательных, хотя и не бесспорных, исследованиях творческой судьбы английского поэта. Вместе с тем восприятие Суинбёрна было многогранным, разносторонним, характеризовалось учетом многочисленных влияний на поэта, в т. ч. античной драматургии, творчества драматургов елизаветинской эпохи (в особенности, Шекспира), поэзии английского романтизма (Дж.-Г.Байрон, П.-Б.Шелли, С.Лэндор и др.), эстетики прерафаэлитов, французской литературы – от В.Гюго до Т.Готье и Ш.Бодлера и др.; предпринимались попытки вписать творчество Суинбёрна в контекст литературного развития в России, в частности, осмыслить в сопоставлении с творчеством К.Д.Бальмонта, провести параллель между эротизмом Суинбёрна и русской потаённой поэзии, наметить перспективы осмысления суинбёрновского наследия русской литературой.

В параграфе втором «Влияние А.-Ч.Суинберна как литературного и художественного критика на формирование в России последней четверти XIX – первой трети XX в. представлений об отдельных западноевропейских писателях и художниках» отмечено, что из многочисленных литературно-критических трудов А.-Ч.Суинберна в России были переведены и опубликованы в 1903 – 1909 гг. лишь три небольшие критические заметки, посвященные шекспировским пьесам – «Королю Лиру», «Королю Ричарду II» и «Отелло». Вместе с тем наиболее значительные произведения Суинбёрна о Шекспире – книги «Изучение

Шекспира» («A Study of Shakespeare», 1880) и «Возраст Шекспира» («The Age of Shakespeare», 1908) – были хорошо известны российским исследователям на языке оригинала, в частности, ими пользовались при написании своих трудов Н.И.Стороженко, Н.К.Бокадоров, Л.И.Шестов, И.А.Аксенов. Работы Суинбёрна о Шекспире, наряду с трудами Георга Готфрида Гервинуса, Георга Брандеса и др., переведенными на русский язык, были знакомы и Л.Н.Толстому, процитировавшему пространный фрагмент из шекспироведческого исследования Суинбёрна в своем «критическом очерке» «О Шекспире и о драме» (1904). Наиболее полный обзор литературно-критической деятельности Суинбёрна был предпринят Н.А.Васильевым, отметившим в 1909 г. книгу английского поэта о Шекспире, содержащую «ряд блестящих литературных характеристик елизаветинской эпохи», критические этюды (в т. ч. о «символисте и мистике» Уильяме Блейке), написанные «необыкновенно блестящим языком», но при этом отличавшиеся «субъективностью и преувеличением», стремлением рассуждать обо всем в превосходной степени: «Когда он говорит о Викторе Гюго, он не знает предела своим похвалам; зато Байрона он ставит ниже какого-то Flammann'a, никого не известного и ничем не замечательного».

Свидетельством интереса к Суинберну первой волны Русского Зарубежья можно считать статью Г.В.Адамовича «Байрон (К 150-летию со дня рождения)», которая, будучи напечатанной в парижской газете «Последние новости» 6 февраля 1938 г., впервые акцентировала роль Суинбёрна в падении литературной репутации Дж.-Г.Байрона в Англии. По мнению Г.В.Адамовича, интерес к Байрону в континентальной Европе значительно выше, чем у него на родине, что объясняется изменением отношения к нему после публикации в середине XIX в. статьи Суинбёрна, в которой доказывалось, «что с английским языком Байрон обращался грубо, без всякого чутья и находчивости, монотонно прибегая к самым дешевым декламационным эффектам». Тема «Байрон и Суинбёрн» осмыслена, в числе других, и в рамках статьи М.П.Алексеева «Байрон и английская литература» (1938), где приведены цитаты из литературно-критических материалов, в которых, ставя в основу всего формальное соблюдение структуры стиха, его языковых и стилистических особенностей и при этом не учитывая его идейного содержания, Суинбёрн «прямо издевался» над Дж.-Г.Байроном и его зарубежными поклонниками, иронически признавая выигрышность иных прозаических переводов в сравнении с «не вполне исправными» байроновскими поэтическими оригиналами, языковые проблемы которых не вполне видны иностранцам.

Литературно-критические труды Суинбёрна оказали в последней четверти XIX – первой трети XX в. заметное влияние на формирование и развитие в России представлений и о других деятелях западноевропейской литературы и культуры, таких как Шарлотта Бронте, Уильям Швенк Гильберт, Теофиль Готье, Чарльз Диккенс, Стефан Георге и др. Вместе с тем мнение Суинбёрна не было для русской литературной науки и критики авторитетным, его суждения, полемичные и эмоциональные, нередко оспаривались как ошибочные, обусловленные конкретными ситуациями в общественной жизни и субъективными обстоятельствами.

В параграфе третьем «Отзвуки творчества А.-Ч.Суинбёрна в русской литературе первой трети XX в.» отмечены многочисленные факты влияния

английского автора на русскую литературу Серебряного века. В.Я.Брюсов сообщал в «Автобиографии», напечатанной в первом томе издававшегося под редакцией С.А.Венгерова историко-литературного исследования «Русская литература XX века (1890 – 1910)», что научился «ценить глубину замысла в поэтическом произведении, его философский или истинно-символистский смысл» благодаря И.И.Конеvскому, который «поэзию читал сознательно и поклонялся ей, как святыне», будучи «страстным поклонником <...> Суинбёрна <...>, до изумительности начитанным во всемирной литературе». Циклу «Стансы личности», включавшему два стихотворения, созданных 24 июля – 3 августа 1899 г., И.И.Конеvским был предпослан эпитаф из «Генезиса» («Genesis») Суинбёрна: «between... deeds and days» («меж... делами и днями»). Суинбёрн был также назван И.И.Конеvским в статье «Об отпевании новой русской поэзии (Общие суждения З.Гиппиус в №17 – 18 «Мира искусства» 1900 г.)», впервые напечатанной в «Северных цветах на 1901 год, собранных издательством “Скорпион”», как «самый <...> быть может, вызывающий лирик и единственный пламенный драматик», который «еще жив и деятелен».

В.Я.Брюсов был первым, кто упомянул о Суинбёрне на страницах символистских «Весов», – сначала в рецензии на книгу Н.А.Васильева «Госка по вечности», напечатанной за подписью *Аврелий* в №6 «Весов» за 1904 г. (среди вошедших в книгу переводов отмечен в качестве творческой удачи «Сад Прозерпины» Суинбёрна, «особенно начало»), а затем в краткой заметке в №7 за 1904 г., подписанной псевдонимом *К.-К.-К.* и сообщавшей о выходе первого тома поэтического собрания Суинбёрна. В статье «Карл V. Диалог о реализме в искусстве», впервые напечатанной в журнале «Золотое руно» (1906, №4), В.Я.Брюсов, выражая скепсис по отношению к мистической линии символизма, представленной творчеством Вяч.И.Иванова и – отчасти – А.Белого, вкладывал в уста одного из участников диалога, прозрачно названного Автором, собственные мысли относительно главенства правды в искусстве, в том числе и в творчестве так называемых «декадентов», в связи с чем, наряду с другими именами, было обозначено и имя Суинбёрна.

Годы спустя мысль о влиянии Суинбёрна на становление раннего русского символизма, опосредованно выраженную в брюсовской «Автобиографии», отчетливо сформулировал О.Э.Мандельштам в статье «Буря и натиск», вышедшей в журнале «Русское искусство» (1923, №1): «Ранний русский символизм – царство больших тем и понятий «с большой буквы», непосредственно заимствованных у Бодлера, Эдгара По, Малларме, Суинберна, Шелли и других».

В 1903 г. сначала в подборке поэтических произведений, увидевшей свет на страницах «Северных цветов» – ежегодного альманаха книгоиздательства «Скорпион», выходявшего с 1901 г., а затем и в авторской книге «Только любовь» К.Д.Бальмонт опубликовал стихотворение «Болото. Прерывистые строки», предварявшееся эпитафом из поэмы Суинбёрна «У северного моря» («By the North Sea»): «Miles and miles and miles of desolation / Leagues on leagues on leagues without a change» («На сотни миль лишь пустота / Тысячи лье однообразья»). Спустя год в сборнике литературно-критических статей «Горные вершины» (1904) К.Д.Бальмонт называл Суинбёрна, наряду с П.-Б.Шелли и Д.-Г.Россетти, поэтом, «обладавшим мелодическим голосом» и восхищавшимся «мелодической лирикой»

Уильяма Блейка, представлявшей собой «самобытное нововведение» в XVIII в. (см. статью «Праотец современных символистов»), в другой статье сборника – «Элементарные слова о символической поэзии» – он причислял Суинбёрна к числу «наиболее выдающихся символистов, декадентов и импрессионистов», указывая его вместе с У.Блейком, П.-Б.Шелли, Т. де Квинси, Д.-Г.Россетти, А.Теннисоном, О.Уайльдом. В 1907 г. в цикле «Малые зерна. Мысли и ощущения» К.Д.Бальмонт обратился к одной из мыслей Суинбёрна, помогавшей глубже понять шекспировскую эпоху: «Суинбёрн хорошо говорит, что у английских поэтов шекспировской эпохи, в их сладостно-текучем, внезапно-самопроизвольном красноречии, господствовала птичья нота страстной мелодии».

А.А.Блок, не упоминая имени Суинбёрна в своих произведениях, все же размышлял об его творчестве, свидетельством чему стала отмеченная составителями описания библиотеки А.А.Блока помета поэта на принадлежавшем ему экземпляре №6 журнала «Новый путь» за 1903 г.; на с. 32 в строке 35 А.А.Блоком была подчеркнута фамилия «Свинберн».

В том же 1903 г. в сборнике Вяч.И.Иванова «Кормчие звезды» было опубликовано стихотворение «Сафо» («Дев кастальских дар – золотые струны...»), в котором Е.В.Свиясов усматривал «повторение опыта Суинберна» в выборе нерифмованной сапфической строфы. Под этим опытом Е.В.Свиясов подразумевал стихотворение Суинбёрна «Сапфические строфы» («Sapphics», 1866), написанное, что явствует уже из названия, сапфической строфой, что является «наивысшей данью уважения античному автору».

Несомненный интерес к Суинбёрну был проявлен и поэтессой А.К.Герцук, поместившей под псевдонимом *Сирин* в №2 «Весов» за 1906 г. рецензию на его книгу «Встречные течения любви» («Loves Gross – currents»), вышедшую в Лондоне в 1905 г. В книге, включавшей в себя созданный четверть века назад «длинный роман в письмах «A years letters», печатавшийся за подписью Mrs Horace Mauners, за которой скрывался мало известный тогда Суинбёрн», А.К.Герцук отмечала «превосходный язык», выдававший будущего мастера английской прозы, и «полные лиризма страницы», позволявшие предугадать будущего создателя знаменитых «Песен перед восходом солнца».

Упоминание имени Суинбёрна можно встретить в одной из литературно-критических статей М.А.Волошина – в рецензии на роман Андре Жида «Тесные врата» («La Porte étroite»), напечатанной в №1 «Аполлона» за 1909 г. Размышляя о «протестантской строгости морали» в описанной Андрее Жидом «современной весьма банальной семье», критик отмечал специфику культивируемого в ней подросткового воспитания, опирающегося, в числе прочего, и на чтение Суинбёрна: «...отроки и девушки, читающие Бодлэра, Суинбёрна, Фому Кемпийского и Паскаля, <...> стремятся к спасению души, с холодной и жестокой страстностью истребляя в своих сердцах наивные и чистые ростки детской любви». В том же 1909 г. М.А.Волошин дважды рассуждал о Суинбёрне в своих письмах в связи с редакционной политикой «Аполлона» – в письме к А.В.Гольштейн от 27 мая 1909 г., надеясь на участие последней в литературно-критическом разделе «Аполлона», писатель конкретно указывал на возможную сферу применения ее творческих сил: «Вот я совсем не знаю, кто будет писать у нас об английс<кой> литературе и будут ли статьи о Суинберне и Мередите. Если

бы Вам хотелось их написать, то я бы мог сейчас же списаться»; в письме к С.К.Маковскому, датированном около 31 мая 1909 г., высказывая пожелание относительно размещения в «Аполлоне» материалов о недавно умерших Суинбёрне и Дж.Мередите, М.А.Волошин прозрачно намекал на возможность привлечения для написания этих статей конкретного автора – А.В.Гольштейн: «Кстати, будут ли у нас статьи об умерших Суинборне и Мередите. Если еще нет, то я имею в виду, кому можно это поручить». Замыслу М.А.Волошина не было суждено осуществиться, однако в декабрьском номере за 1909 г. «Аполлон» все же откликнулся на смерть двух великих писателей сообщением в «Письме из Лондона» More Adey: «В течение 1909 года английская литература потеряла двух своих наиболее знаменитых представителей: Суинбёрна и Мередита».

В отличие от большинства современников К.И.Чуковский, переводивший Суинбёрна в 1904 г. и написавший статьи о нем в 1904 и 1906 гг., сохранил определенный интерес к английскому поэту и в последующие десятилетия, что нашло отражение в книгах «Оскар Уайльд» (1922), «Фуцуристы» (1922), «Некрасов: Статьи и материалы» (1926), «Рассказы о Некрасове» (1930), в очерках «Как я полюбил англо-американскую литературу» (1941), «“Бесплодные усилия любви”» (1960), «“Сигнал”» (1964), в дневнике и эпистолярной, в «оксфордской речи» «Русскими глазами» (1962). Он считал наивысшим достижением Суинбёрна самую раннюю, первую часть «Поэм и баллад», где «нечеловеческой красоты образы и видения несутся пред очами в каком-то безумном урагане – без линий, без контуров, в ослепительном сверкании красок». В поздних статьях К.И.Чуковского имя Суинбёрна нередко возникало в контексте воспоминаний о том, что уже стало для русского писателя частицей ушедшего, но вместе с тем очень дорогого ему прошлого.

Знакомство Б.Л.Пастернака с творчеством Суинбёрна, вероятно, произошло весной 1912 г. в Марбурге, где он в течение одного семестра обучался в университете. Вероятно, именно в то время в библиотеке поэта появилась книга Суинбёрна «Аталанта в Калидоне и лирические поэмы» («Atalanta in Calydon and Lyrical Poems», 1901). Б.Л.Пастернак более всего ценил в литературной деятельности Суинбёрна «особую смысловую и образную насыщенность, концентрированность и упругость поэтического слова», то самое, чего он и сам старался достичь в оригинальном творчестве. В 1916 – 1917 гг. он активно занимался переводами суинбёрновских трагедий «Шастеляр», «Мария Стюарт» (оба не сохранились), сонета «Джон Форд».

В переписке Б.Л.Пастернака 1920-х гг. обращают на себя внимание несколько упоминаний имени Суинбёрна в контексте творчества М.И.Цветаевой. 14 июня 1922 г. в письме М.И.Цветаевой, восторженно откликаясь на ее поэтический сборник «Версты», Б.Л.Пастернак отчетливо усматривал в ее стихах суинберновскую традицию, ничуть не меньшую, чем байроническая традиция у М.Ю.Лермонтова, а самого Суинбёрна называл своим кумиром: «<...> я оплошал и разминулся с Вашей верстовой Суинберниадой (если Вы даже его не знаете, моего кумира, – он дошел до Вас через побочные влиянья и ему вольно в Вас, родная Марина Ивановна, как когда-то Байрону было вольно в Лермонтове <...>)». В другом письме М.И.Цветаевой от 19 марта 1926 г., тональность которого была задана пребыванием поэтессы в Лондоне по приглашению Д.П.Святополка-

Мирского с 10 по 25 апреля 1926 г., была отчетливо воссоздана тема того воображаемого Лондона, что возникал в сознании Б.Л.Пастернака как мифологема под впечатлением от стихов Дж.Китса и Суинбёрна: «<...> это быльё я заворошил нечаянно, узнав, что ты попадешь в Лондон. Именно, мне вспомнилась зима, когда я зачитывался Китсом и Суинберном, и даже, из строки в десятую, понимал, что делал. И, разумеется, в стихах рос и творился свой Лондон, которого наверное на свете нет, но именно в этот Лондон я пишу тебе». Так и не взявшись более за переводческое осмысление суинбёрновских произведений, Б.Л.Пастернак приветствовал тех поэтов-переводчиков, кто обратился в 1930 – 1950-е гг. к осмыслению текстов Суинбёрна.

Как видим, суинбёрновское влияние было определяющим и значительным на протяжении длительного времени в творчестве Б.Л.Пастернака, который, проведя вторую половину 1916 – начало 1917 г. «под знаком Суинбёрна», в работах последующих лет («О трагедии Суинбёрна» (1918; не разыскана), «Несколько положений» (1919), «Антология английской поэзии» (1943), «Заметки переводчика» (1944), «Люди и положения» (1956 – 1957), «Фридрих Шиллер. Трагедия «Мария Стюарт» (Предисловие переводчика)» (1957)), в переписке с М.И.Цветаевой, Е.В.Пастернак, В.Э.Мейерхольдом, И.А.Кашкиным, А.И.Старцевым, В.В.Роговым, вновь и вновь восторженно размышлял о Суинбёрне, кумире своей молодости, поэте, незаслуженно мало интерпретируемом в России; в своем переводном драматургическом творчестве 1950-х гг. Б.Л.Пастернак обратился к памятному образу Марии Стюарт, отдав, впрочем, предпочтение произведениям на эту тему, созданным Ф.Шиллером и Ю.Словацким.

Параграф четвертый «"Русская тема" в поэзии А.-Ч.Суинбёрна как отражение его отношения к России и ее осмысление в переводах и исследованиях российских литературоведов» посвящен рассмотрению эволюции отношения английского поэта к России.

А.-Ч.Суинбёрн, тесно связанный с традициями английского романтизма, испытавший влияние Дж.-Г.Байрона, П.-Б.Шелли, Дж.Китса и У.С.Лендора, впитавший философскую углубленность прерафаэлитов, а также отдельные традиции французской литературы – натурализм Шарля Бодлера, риторическую декламативность Виктора Гюго, был долго гоним на родине за смелые уклоны своего этического мировоззрения и политический радикализм, проявлявшийся в прославлении мятежа и расправ над правителями, социальном утопизме недвусмысленных предсказаний, мечтах о республике всего мира и братском единстве всех народов. Лейтмотивом отношения английского поэта к России является именно республиканизм, который, тем не менее, соседствовал в его поэзии с патриотическими порывами, выливающимися в создание поэм на темы национальной истории, восторженных од величию и политическому могуществу современной ему Англии.

П.Ваддингтон отмечал, что интерес Суинбёрна к России впервые проявился в период обострения англо-русских политических отношений и начала Крымской войны 1853 – 1856 гг. Англо-русский конфликт прочно сохранился в памяти Суинбёрна, свидетельством чему стала опубликованная посмертно незаконченная новелла «Лесбия Брандон» («Lesbia Brandon»), содержащая упоминания о

Крымской войне. Ранние печатные суждения Суинбёрна о России относятся к 1865 г., когда им был написан очерк «О свободе и верности» («Of Liberty and Loyalty»), содержащий критическую оценку позиций Томаса Карлейля, который противопоставил характер и судьбу поляков и русских, провел аналогию с ковриком у двери, которым стала Польша для России при обмене любезностями с Европой.

Мирный и отчасти теоретический характер республиканства Суинбёрна отчетливо просматривается в стихотворении «Белый царь» («The White Czar», 1877), в высшей степени враждебном по отношению к России и вместе с тем наполненным патриотизмом, преданностью английской короне. В содержательном отношении произведение наполнено угрозами в адрес Александра II, которого, по мнению поэта, ждет незавидная судьба другого монарха, осмелившегося воевать с англичанами, – испанского короля Филиппа II, приведшего свою страну на исходе правления к обнищанию и почти полному банкротству. Н.А.Васильев, первым из русских исследователей обративший внимание на сонет Суинбёрна, саркастически отмечал, что это произведение – «бряцание оружием со стороны республиканца и сторонника братства народов, да еще по поводу “болгарских ужасов”, довольно забавно». Исследователь высказал предположение, что Суинбёрн откликнулся на стихотворение И.С.Тургенева «Крóкет в Виндзоре», написанное 20 июля 1876 г. в связи с «болгарскими ужасами» и направленное против королевы Виктории, которой якобы привиделось, что в крокет играют головами болгар вместо шаров. В 1928 г. в статье М.П.Алексеева «Сибирская ссылка и английский поэт», ставшей, по справедливому указанию Л.М.Аринштейна, первой литературоведческой работой, поднявшей «вопрос о русской теме в английской литературе второй половины XIX века», была обоснована иная, нежели у Н.А.Васильева, точка зрения относительно того, на какое же произведение откликнулся Суинбёрн своим «Белым царем». Приводя фрагмент из письма И.С.Тургенева брату Николаю от 9 (21) декабря 1876 г., М.П.Алексеев особо акцентировал слова о том, что, несмотря на тщетность попыток осуществить публикацию «Крóкета в Виндзоре» в газете «Новое время» и журнале «Вестник Европы», этому стихотворению суждено было «облететь всю Россию, быть читанным на вечерах у наследника – и переведенным на немецкий, французский, английский языки». Вместе с тем первая его публикация на русском языке состоялась только через несколько лет, в №3 «Слова» за 1881 г., что, в свою очередь, привело М.П.Алексеева к предположению, что «едва ли <...> это стихотворение могло быть помещено в английском журнале до напечатания в России». Скорее всего, продолжал исследователь, Суинбёрн имел в виду написанное под влиянием англо-русских конфликтов в восточной политике стихотворение А.Н.Майкова «The Empress of India», увидевшее свет в «Русском вестнике» в мае 1877 г.

Версия М.П.Алексеева в 1958 г. была поддержана И.М.Катарским при подготовке фрагмента о Суинбёрне для третьего тома «Истории английской литературы». Однако разыскания последующих лет позволили установить интересные факты, позволяющие говорить о том, что гипотеза, высказанная М.П.Алексеевым, не является бесспорной. В 1967 г. Н.С.Никитиной был выявлен хранящийся в ИРЛИ экземпляр листовки с русским текстом «Крóкета в

Виндзоре», отпечатанной, предположительно в конце сентября 1876 г., в Лейпциге в типографии болгарина В.Другулина. Вторым изданием «Крóкета в Виндзоре» на русском языке стала публикация в выходившей в Бухаресте болгарской газете «Стара планина» от 6 ноября 1876 г. с редакционным предисловием, сообщавшим о вызванном стихотворением «большом шуме в европейской печати». В том же 1876 г. были предприняты переводы тургеневского произведения на европейские языки: 3 сентября 1876 г. в «Le XIX-e Siècle» увидел свет подстрочный прозаический перевод на французский, перепечатанный вскоре «Le Figaro» и другими изданиями и ставший основой для первой английской интерпретации, выполненной жившим в ту пору в Париже американским писателем Генри Джеймсом; первоначально предназначавшийся для лондонской газеты «Daily News» перевод был, однако, из-за отказа редакции впервые напечатан в США – в еженедельнике «The Nation» от 5 октября 1876 г. В свете всех этих обстоятельств оправданно говорить скорее о возмущении Суинбёрна «Крóкетом в Виндзоре», нежели практически неизвестным в обществе «The Empress of India» А.Н.Майкова.

Среди других «антироссийских» стихотворений Суинбёрна можно назвать такие, как «Спуск Ливадии» («The Launch of the Livadia», 1880), «Слово стране» («A Word for the Country», осень 1884), «Слово флоту» («A Word for the Navy», 1885), «Руссо-Галлия» («Russo-Gallia», 12 марта 1887), сонеты «Dysthanatos» (14 марта 1881), «По поводу преследования евреев русскими» («On the Russian Persecution of the Jews», 1882), «Русский и болгарин» («The Russ and the Bulgar», 23 августа 1886), «Русский и француз» («The Russ and the Frenchman», 1886), «Два врага» («The Two Enemies», 1886), отдельные из которых были переведены на русский язык А.Б.Гатовым и Г.Е.Беном. Так, в сонете «По поводу преследования евреев русскими» Суинбёрн обвинял Александра III в организации гонений на евреев, особо акцентируя, что погромщики, благодаря поддержке русских властей и церкви, считали себя истинными христианами, борцами за православную веру. Сонет был построен в форме обращения к «сыну человеческому», который, погивнув на кресте, и представить себе не мог, что с его именем на устах вероломные люди будут совершать зверства: «O son of man, by lying tongues adored, / By slaughterous hands of slaves with feet red-shod / In carnage deep as ever Christian trod / Profaned with prayer and sacrifice abhorred / And incense from the trembling tyrant's horde, / Brute worshippers of wielders of the rod, / Most murderous even of all that call thee God, / Most treacherous even that ever called thee Lord»; в переводе Г.Е.Бена: «О ты, сын человеческий, когда / Обожествляют лживые уста / Тебя, еще не снятого с креста, / Простершись пред тобою без стыда, / И в дымке фимиама навсегда / Твоя святая скрыта нагота, / А тем, кто славит Господа Христа, / Нажиться помогла твоя беда, / И, зло свершая именем твоим, / Они твердят, как ими ты любим».

Апологией ненависти Суинбёрна к российской политической системе стала созданная им в июле 1890 г. ода «Россия» («Russia: An Ode»), в которой он с гневной страстностью и силой заклеил позор сибирской каторги и ссылки как формы борьбы русского правительства с революционным движением. Размышления о том, что происходит в России, ставшей адом, идеальным местом для чудовищ, развратителей и убийств, сменяются мыслью о неизбежности тираноубийства как единственного выхода из замкнутого круга: «Night hath none

but one red star – *Tyrannicide*» [Ночь имеет лишь одну красивую звезду – *тираноубийство*]. В заключительной части оды звучит открытый призыв уничтожить *чертоги коронованных палачей*, повергнуть Александра III вслед за его отцом; в этой связи символичен дважды возникающий у Суинбёрна в сравнительных оборотах мотив очистительного огня – в первом случае это небесный огонь, подобный пламени ада, пожирающему тиранов, во втором – искушение, рождающее неумолимое желание. Обоснование необходимости освобождения от тирании дано Суинбёрном в пространной параллельной конструкции с анафорическим *these*, позволяющей создать представление о всемогущих и вместе с тем трусливых палачах, которые, находясь у русского трона, боятся собственного народа, неизбежности кары за причиненные ему страдания и разрушения, за безвинные смерти. Кульминацией оды стали стихи с прямым призывом к свержению Александра III («Down the way of Czars, awhile in vain deferred, / Bid the Second Alexander light the Third» [Долой царей! Напрасно промедление! / Велите Александру II указать путь его сыну!]), дополненные рассуждением о неизбежности победы жизни над смертью и о том, что победительницей в борьбе будет именно *новая жизнь*.

Как видим, отношение Суинбёрна к России формировалось под влиянием текущих мировых событий (Крымская война, польский вопрос, русско-турецкая война, становление государственности в Болгарии и др.), в которых Россия и Англия нередко оказывались геополитическими противниками. В большинстве случаев Россия оценивалась английским поэтом как жестокая страна, пытавшаяся навязать свои правила игры в Европе, диктовавшая свои условия многим европейским державам, руководствуясь исключительно правом сильного. Особое неприятие Суинбёрна вызывали личности российских императоров Александра II, Александра III и Николая II, причем ненависть к ним как к тиранам доходила до призывов к цареубийству, являвшемуся, на взгляд поэта, первым шагом на пути преобразования страны с деспотической системой правления в демократическое государство. Преследования революционеров, отправлявшихся на ссылку и каторгу, расстрел демонстрации 9 января 1905 г. воспринимались Суинбёрном как преступления правящей в России царской династии. Если в прочих стихах Суинбёрн был неизменно свободен от шовинистических предрассудков, выдвигая на первый план гуманистические ценности, то в стихах, направленных против России, он превращался в рьяного британского националиста, человека с радикальными убеждениями.

В *главе второй «Творчество А.-Ч.Суинбёрна в прочтениях русских поэтов-переводчиков последней четверти XIX – первой трети XX века»* осмысливаются и анализируются русские переводы поэзии и поэтической драматургии английского автора.

В *параграфе первом «Русские переводы поэзии А.-Ч.Суинбёрна (последняя четверть XIX – первая треть XX века): опыт осмысления»* отмечено, что, несмотря на весьма значительное число обращений русских поэтов-переводчиков конца XIX – первой трети XX в. к творчеству А.-Ч.Суинбёрна, ранние переводы и переложения не смогли в полной мере донести до русского читателя индивидуальность английского автора. В большинстве своем они были крайне несовершенны, что выражалось в переводе стихов прозой (анонимный

прозаический перевод «Заброшенного сада» (под названием «Заглохший сад») в «Еженедельном Новом времени», «Сад Прозерпины» и «Призраки цариц» в переводе В.Ю.Эльснера, «Канун революции» в переводе Ф.П.Шиллера), превращении перевода в вольную трактовку, стихотворение «на мотив» («Заглохший сад (На мотив из Чарльза Свинборна)» К.Ренина <К.В.Буренина>), фрагментарной интерпретации того или иного суинбёрновского произведения, не дающей о нем полного, целостного представления («Ночная стража» в переводе О.Н.Чюминой, «На северном море», «Рококо» и «Перед рассветом» в переводе Н.А.Васильева, «Тяжести» в переводе А.П.Доброхотова, «В саду» (с названием по первому стиху – «О, пусти мои руки, о, дай мне вздохнуть...») в переводе К.И.Чуковского, «Les Adieux» и «У северного моря» в переводе И.А.Кашкина). Анонимное стихотворение «Маю (Рондо из Свинберна)», напечатанное в №5 «Вестника иностранной литературы» за 1893 г., интересно с точки зрения заимствования стихотворной формы рондо, введенной Суинбёрном, но не соотносится напрямую ни с одним из его произведений. На этом фоне наиболее удачными представляются переводы «Pasticcio» Д.Н.Садовникова, «Песня времен порядка. 1852» И.А.Кашкина, «Ave atque vale (Памяти Шарля Бодлера)» и «Прощание» Б.Б.Томашевского, сохраняющие эстетическую ценность и в наши дни, причем первое из стихотворений до настоящего времени так более и не стало объектом внимания других русских интерпретаторов. Составленная М.Н.Гутнером «Антология новой английской поэзии» (1937) впервые представила не отдельные переводы из Суинбёрна, а целостную подборку лучших переводов, способствовавших формированию относительно полного представления об английском поэте и его творчестве и подводивших итоги исканиям прежних лет. Новый этап переводческого освоения наследия Суинберна начался в 1970-е гг. и связан с именами иного поколения переводчиков.

Во втором параграфе «“Садовая трилогия” А.-Ч.Суинбёрна (“Заброшенный сад”, “В саду”, “Сад Прозерпины”) как объект наивысшего интереса русских переводчиков: из века XIX в век XXI» проанализирована специфика восприятия в России «садовых» стихотворений А.-Ч.Суинбёрна, привлечших наибольшее внимание русских переводчиков и символизировавших преходящесть самой жизни, ее радостей, бесплодность молодости, неизбежность утраты иллюзий.

Стихотворение «Заброшенный сад» («A Forsaken Garden») из сборника «Стихотворения и баллады, вторая серия» («Poems and Ballads, Second Series», 1878), характеризовавшееся использованием смешанных размеров, различных видов звукописи, перебоев ритма, сложной рифмовки, стремлением передать музыку звуков природы и тончайшие оттенки чувств, содержало обращение Суинбёрна к излюбленным образам моря, времени, смерти, которые соотносились с обстоятельствами личной жизни, воспоминаниями об утраченной любви. Мир заброшенного сада, талантливо представленный Суинбёрном и воссозданный его русскими интерпретаторами, – начиная с анонимного автора «Еженедельного Нового времени», К.Ренина (К.В.Буренина) и Б.Б.Томашевского и заканчивая Г.Е.Беном, С.А.Степановым, Э.Ю.Ермаковым и И.Д.Трояновским, – отрезан скалами от моря, наполнен тоской и меланхолией, утопает в тишине и одиночестве, не помнит ни звуков шагов, ни голосов людей. Русские переводчики, вслед за поэтом, обращаются к образу времени, показывая его несправедливым

тираном, разрушающим цветы, но сохраняющим колючий терн, лишаящим человека радостей, сберегающим лишь печаль и скорбь. Размышления о том, что могло бы быть, но чего, увы, нет, предшествуют появлению образа влюбленных, проникновенному возвращению в прошлое, в счастливые дни общения, пронизанного светлыми чувствами.

В другом стихотворении «садовой трилогии» «In the Orchard (Provençal Burden)» («В саду (Напев Прованса)», 1866), содержащем размышления о порочной страсти в ее традиционной связи со смертью, Суинбёрн усматривал пароксизм удовольствия в поиске смерти. Замысел английского поэта привлек внимание К.И.Чуковского, осуществившего перевод шести (1, 2, 4, 5, 6, 8) из десяти строф (запись в дневнике писателя от 28 – 29 июня 1904 г., впервые опубликованная в 2006 г.) и И.Д.Копостинской, напечатавшей в 1977 г. и в 1981 г. две редакции своего полного перевода. Однако тема эстетизации смерти, в чем-то даже отождествления любви и смерти, оказалась не близка русским переводчикам – К.И.Чуковскому в силу фрагментарности его прочтения, И.Д.Копостинской – в виду изначального акцента на экстазе героев, их страстном томлении, сочетании наслаждения и боли.

Неоднократно было переведено в России и еще одно «садовое» стихотворение Суинбёрна – «Сад Прозерпины» из сборника «Стихотворения и баллады» («Poems and Ballads», 1866), заинтересовавшее в начале XX в. В.Ю.Эльснера, Н.А.Васильева, в советское время – В.В.Рогова, Г.Е.Бена, М.А.Донского, на современном этапе – И.Д.Трояновского, А.В.Велигжанина, К.Исмаева, Н.Караева, И.А.Палий и др., причем прочтения последних, являющиеся, в целом, любительскими (исключение – перевод таллиннского поэта Николая Караева), интересны, прежде всего, как свидетельства неизменности неослабевающего интереса к произведению английского поэта, представившего оригинальную трактовку мотива неизбежности смерти, своеобразным «реквиемом по мгновенным проявлениям Красоты, обреченной на гибель», оказавшейся во власти мерно-бесконечного течения времени.

Стихотворения «Заброшенный сад», «В саду» и «Сад Прозерпины», созданные Суинбёрном в разные годы, включенные им в разные поэтические циклы, никогда не воспринимались им самим как трилогия, как нечто взаимодополняющее и, в конечном итоге, единое целое. Для английского поэта это были совершенно разные произведения – и по настроению, и по мелодике, и по поставленным авторским задачам. Но вместе с тем крайне парадоксальным представляется то обстоятельство, что именно эти три стихотворения, центрированные образом сада, стали наиболее популярными сочинениями Суинбёрна в России. При более внимательном рассмотрении русских переводов становится очевидным, что в «Заброшенном саду» интерпретаторов привлекла та благородная возвышенность, лишенная пафоса торжественность, с которой происходила констатация конечности жизни и возможности ее бесконечного продолжения; стихотворение «В саду» увлекло их гармонизацией, одухотворением любовного чувства, парадоксальным единством любви и смерти; в знаменитом «Саде Прозерпины» переводчиков заинтересовал мотив вечности земного бытия и смертности отдельного человека, бренности его существования, прославление языческого сна-небытия, не предполагающего воскрешения. Все эти

мотивы так или иначе пересекаются, в семантическом плане скрепляются образом вечного сада, остающегося почти неизменным из века в век, но при этом несущего в себе покой, противостоящий жизни, ее развитию, подобный смерти, разрушению. Таким образом, в восприятии русских переводчиков три напрямую не связанных между собой стихотворения Суинбёрна – «Заброшенный сад», «В саду» и «Сад Прозерпины» – оказались неким единством, представившим неизменные жизненные искания английского поэта, его глубокие и трудные философские размышления о вселенной и месте в ней человека, о бренном и вечном, бытии и покое, любви и смерти.

В *третьем параграфе «Фрагменты из поэтической драматургии А.-Ч.Суинбёрна в русских переводах первой трети XX в.»* указывается, что на протяжении длительного времени фрагментарные переводы оставались единственными немногочисленными фактами обращения в России к осмыслению драматургического творчества Суинбёрна: Н.А.Васильев в 1909 г. осуществил переводы фрагментов второй сцены третьего акта трагедии «Босуэлл» и второго хора из античной трагедии «Аталанта в Калидоне»; впоследствии к интерпретации второго хора из «Аталанты в Калидоне» обращались М.О.Цетлин (Амари), напечатавший свой перевод в 1918 г. в газете «Понеделник» – органе правого крыла организации партии социалистов-революционеров, В.Исаков, чей перевод увидел свет в 1937 г. в «Антологии новой английской поэзии», Э.Ю.Ермаков, разместивший перевод в сети Интернет в 2006 г. В отличие от второго хора из «Аталанты в Калидоне», первый хор был переведен лишь дважды – Вл.Г.Зуккау-Невским для «Антологии новой английской поэзии» (1937) и – в начале XXI в. – Э.Ю.Ермаковым. Переводчикам в целом удалось сохранить не только структурные особенности «античного» хора (хотя Э.Ю.Ермаков и отказался от его строфического деления), но и многочисленные реалии мифологического мира, среди которых имена божеств Пана (Pan), Бахуса/Вакха (Bacchus), образы вакханок, менад, бассарид (Bacchanal, Maenad, Bassarid).

В *Заключении* подводятся итоги исследования, отмечается, что русская рецепция творчества Алджернона Чарлза Суинбёрна прошла сложный путь от первых информативных заметок о его произведениях в русской печати последней четверти XIX в. до значительного интереса к его наследию в самых широких кругах российского общества. Проведенное диссертационное исследование соотносится с двумя другими квалификационными работами, посвященными выявлению специфики русской рецепции викторианской поэзии – докторской диссертацией В.К.Чернина «Русская рецепция Альфреда Теннисона», защищенной в 2010 г., и кандидатской диссертацией Е.Л.Ионовой «Русская рецепция поэзии Элизабет Баррет Браунинг», защищенной в 2013 г. Вместе с тем до настоящего времени остается неизученной история восприятия и осмысления в России произведений Роберта Браунинга, Данте Габриэля Россетти, Кристины Россетти, Мэтью Арнольда, Эрнеста Даусона, что не позволяет создать целостное представление о масштабах влияния викторианской поэзии на литературный процесс в России в разные исторические эпохи.

В виду значительности объема фактического материала в работе рассмотрен анализ раннего этапа русской рецепции творчества Алджернона Чарлза Суинбёрна, определенного в границах последней четверти XIX – первой трети XX

в., тогда как переводы, литературоведческие и литературно-критические работы последующего времени рассматривались эпизодически, только в тех случаях, когда их привлечение было необходимо для осмысления конкретных фактов и явлений более ранней эпохи в широком историко-литературном контексте. В свете сказанного одной из перспектив дальнейшей работы может стать изучение позднейшей рецепции английского поэта, особенно в последней четверти XX – начале XXI в., когда обнаружился стабильный интерес к суинбёрновскому творчеству, стали регулярно появляться в печати новые переводы его произведений, вышли его сборники, которые, несмотря на ограниченный объем, достаточно отчетливо представили и самого поэта, и многообразие тематики его текстов, и их художественные особенности, а также подготовка полного комментированного издания русских переводов произведений Суинбёрна, выполненных в последней четверти XIX – первой трети XX в., составление библиографического указателя, включающего как переводы, так и литературу об английском авторе (в т. ч. и литературу, содержащую упоминания его имени, названий его отдельных произведений), изданную на русском языке. Перспективным представляется также появление монографических работ, посвященных творческой деятельности конкретных русских переводчиков, обращавшихся к интерпретации суинбёрновских сочинений. В частности, до настоящего времени не проведено исследования творчества К.И.Чуковского в контексте русско-английских литературных связей; крайне незначительны единичные статьи и материалы о Д.Н.Садовникове, О.Н.Чюминой, А.П.Доброхотове, переводческая составляющая литературной биографии которых заслуживает самого пристального осмысления.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Публикации в изданиях перечня ВАК

1. Комарова, Е.В. Влияние историко-литературных трудов А.-Ч.Суинбёрна на развитие в России представлений об отдельных писателях и деятелях культуры (на материале русской литературной критики и литературоведения последней четверти XIX – первой трети XX веков / Е.В.Комарова, Д.Н.Жаткин // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – №3 (40). – С. 243 – 246 (0,32 п.л.).

2. Комарова, Е.В. Осмысление творчества А.-Ч.Суинбёрна русской литературной критикой последней четверти XIX века / Е.В.Комарова, Д.Н.Жаткин // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2013. – №3 (41). – С. 217 – 225 (0,56 п.л.).

3. Комарова, Е.В. Творчество А.-Ч.Суинбёрна в восприятии и осмыслении русской литературной критики первой трети XX века / Е.В.Комарова, Д.Н.Жаткин // Гуманитарные исследования. – 2013. – №3 (47). – С. 99 – 110 (0,75 п.л.).

Прочие публикации

4. Комарова, Е.В. Ранние русские переводы фрагментов из поэтической драматургии А.-Ч.Суинбёрна / Е.В.Комарова // Языковые и культурные контакты различных народов: Сборник статей Всероссийской научно-практической

конференции / Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г.Белинского, Приволжский дом знаний. – Пенза, 2012. – С. 49 – 51 (0,15 п.л.).

5. Комарова, Е.В. «The Garden of Proserpine» А.-Ч.Суинбёрна в русских переводах / Е.В.Комарова // Вопросы теории и практики перевода: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции / Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г.Белинского, Приволжский дом знаний. – Пенза, 2012. – С. 31 – 33 (0,15 п.л.).

6. Комарова, Е.В. Традиции творчества А.-Ч.Суинбёрна в русской литературе первой трети XX века / Е.В.Комарова // Художественный перевод и сравнительное литературоведение: Сб. научных трудов / Отв. ред. Д.Н.Жаткин. – М.: Флинта; Наука, 2013. – С. 157 – 190 (2,15 п.л.).

Подписано к печати « » _____ 2014 г. Формат 60x84 1/16.
Бумага типографская №1. Печать трафаретная. Шрифт Times New Roman Суг.
Усл. печ. л. 1,37. Уч.-изд. л. 1,4. Заказ №21/09. Тираж 100.
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ИП Соколова А.Ю.
440600, г. Пенза, ул. Московская, д. 74, к. 220, тел.: 56-37-16.